

СЕМЕЙНЫЙ
РОМАН

Часть первая
ЙОРЮНДГОРД

I

При разделе наследства после смерти Ивара Младшего Йеслинга из Сюдбю, в 1306 году, его имение в Силе* перешло к дочери Рангфрид и ее мужу Лаврансу, сыну Бьёргюльфа. До того они жили в имении Скуг в Фоллу**, недалеко от Осло, но затем переехали в усадьбу Йорюндгорд, лежащую высоко на сельских холмах***.

Лавранс происходил из рода, известного в Норвегии под именем Сыновой лагмана****. Род этот — выходцы из Швеции, и первым, кто поселился здесь, был некий Лаврентиус — лагман в Эстгёте, тот самый, что выкрал из монастыря Врета сестру ярла***** из Бьельбу, девицу Бенгту, и бежал с нею в Норвегию. Лаврентиус жил при дворе короля Хокона Старого и заслужил его любовь и уважение; король пожаловал ему усадьбу Скуг. Но, прожив в Норвегии восемь лет, Лаврентиус умер от поветрия, а вдова его, которую

* Силе — местность в долине Гюдбрандсдал, пересекающей центральную часть Южной Норвегии с севера на юг. (Здесь и далее примеч. перев.)

** Фоллу — местность южнее Осло.

*** Во всех норвежских именах собственных ударение падает на первый слог: Кристин, Лавранс, Ивар, Йеслинг, Сюдбю, Рангфрид и т. д.

**** Лágман — выборный или назначенный чиновник, наблюдавший за исполнением законов и имевший право чинить суд.

***** Ярл — в Скандинавии высшее звание после короля.

народ прозвал Королевойн, отправилась домой в Швецию и помирилась со своей родней. Впоследствии она вышла замуж за богатого чужестранца. У нее не было детей от Лаврентиуса, и поэтому усадьба Скуг досталась по наследству брату Лаврентиуса — Кетилию. Сыном Кетилия был Бьёргюльф, отец Лавранса.

Лавранс женился в молодых годах. Ему исполнилось всего двадцать восемь лет, когда он переехал в Силь, и был он на три года моложе своей жены. Подрастком он состоял одно время в королевской дружине и получил хорошее воспитание; но после женитьбы удалился на покой и жил в своем поместье, ибо Рагнфрид была несколько странной и угрюмой и худо жила с людьми на юге Норвегии. А после того как Рагнфрид постигло несчастье и у нее умерли еще в младенческом возрасте трое сыновей, она стала совсем чуждаться посторонних. И пожалуй, потому и переехал Лавранс в долину Гюдбрандсдал, чтобы жена была поближе к своим родным и знакомым. Когда они переехали туда, у них оставался в живых один ребенок, маленькая девочка по имени Кристин.

Но и поселившись в Йорюндгорде, они продолжали жить замкнуто и держались очень обособленно; казалось, Рагнфрид не чувствовала большой приязни к своей родне и виделась с нею не чаще, чем того требовало приличие. Это происходило еще потому, что Лавранс и Рагнфрид были необычайно набожны и богобоязненны, усердно посещали церковь, охотно давали приют Божьим служителям и людям, разъезжающим по делам церкви, или пилигримам, шедшим на север к Нидаросу*, и оказывали величайшее почтение своему приходскому священнику; тот жил в

* *Нидарос* — ныне Тронхейм, в те времена — самый большой город Норвегии. Здесь находился собор покровителя Норвегии святого Улава и резиденция архиепископа.

усадьбе Румюндгорд и был их ближайшим соседом. А окрестное население находило, что служение Богу и без того обходится достаточно дорого — тут и церковная десятина, и пожертвования имуществом и деньгами; поэтому считалось, что не следует уж так налегать на посты да на молитвы и таскать в дом священников и монахов без особой надобности.

Впрочем, хозяева Йорюндгорда пользовались большим уважением, да и любовью, в особенности Лавранс; он слыл за человека сильного и мужественного, а вместе с тем миролюбивого, тихого и справедливого, очень ровного в поведении и учтвого, необычайно умелого земледельца и великого охотника; с особым рвением преследовал он волков, медведей и всякое вредное зверье. В течение немногих лет он собрал в своих руках много земли, но был добрым хозяином и щедрым на помощь своим издольщикам.

Рагнфрид же так редко показывалась в народе, что скоро о ней почти совсем перестали говорить. Первое время по ее приезде в родную долину многие удивлялись, глядя на Рагнфрид, так как помнили ее еще с тех пор, когда она жила дома в Сюдбю. Она никогда не была красавицей, но тогда по крайней мере выглядела довольной и веселой; теперь же она изменилась и извелась, и легко можно было подумать, что она старше своего мужа не на три года, а на целых десять лет. Люди считали, что она приняла слишком близко к сердцу смерть детей, потому что, вообще говоря, ей жилось во всех отношениях лучше, чем большинству других женщин, — ее окружали богатство и почет, да и с мужем она, насколько можно было судить, жила хорошо. С другими женщинами Лавранс не водился, постоянно советовался с нею во всех делах и ни разу не сказал ей ни одного недоброго слова ни трезвый, ни пьяный. При этом она была достаточно молода, чтобы иметь еще детей, будь на то воля Божья.

Хозяевам усадьбы бывало нелегко находить молодых работников и работниц для службы в Йорюндгорде — из-за угрюмого нрава хозяйки и из-за того, что в доме чересчур строго соблюдались все посты. Впрочем, людям жилось хорошо в усадьбе, где редко слышалось резкое слово или попреки; кроме того, и Лавранс и Рагнфрид всегда показывали пример другим во всякой работе. Притом же хозяин был по своему человеком веселого склада и иногда не прочь был и поплясать и даже запевал, когда молодежь веселилась в светлые ночи на церковном пригорке. Но все же на службу в Йорюндгорд больше шли люди пожилые; им там очень нравилось, и они живали в усадьбе подолгу.

Однажды, когда Кристин было семь лет, отцу ее захотелось взять ребенка с собою в горы на их летний выгон — сетер*.

Было ясное утро близко к середине лета. Кристин была на чердаке, где все они спали летом**; она видела яркий солнечный свет и слышала, как отец и работники переговаривались внизу во дворе, и от этого ей было так радостно, что она не в силах была устоять на месте, пока мать одевала ее, и скакала и прыгала в ожидании каждой новой вещи, в которую ее наряжали. Она никогда еще не бывала в настоящих горах, переезжала лишь через лесистый хребет по дороге на Вогэ, когда ее брали с собою погостить у родителей

* *Séter* — пастбище на альпийских лугах с пастушьей жижиной.

** В старину в Норвегии летом спали на чердаке стáбюра — сарая, строившегося в два этажа и ставившегося на четыре камня или на сваи. Внизу хранились разные продукты; перед входом на чердак была галерея, на которую вела открытая лестница.

матери в Сюдбю*, да ходила с матерью и домашними в ближайшие леса за ягодами, на которых Рагнфрид настаивала легкое вино. Мать приготавливала еще кислую барду из брусники и клюквы и намазывала ее на хлеб вместо масла во время Великого поста.

Мать закрутила кверху длинные золотистые волосы Кристин, спрятала их под старую синюю шапочку, завязала ленты, поцеловала дочку в щеку — и Кристин помчалась вниз к отцу. Лавранс сидел уже в седле; он поднял Кристин на лошадь и посадил ее сзади себя, подстелив ей плащ, сложенный в виде подушки. Кристин села верхом на эту подушку и ухватилась за отцовский кушак. Можно было трогаться в путь, и они пожелали матери счастливо оставаться, но Рагнфрид сбежала с галереи с плащом Кристин в руках, отдала его Лаврансу и попросила мужа хорошенько присматривать за ребенком.

Солнце сияло, но ночью прошел сильный дождь: со всех сторон журчали и плескались ручейки, сбегавшие вниз в долину, и клочья тумана медленно ползли вдоль подножия гор. Но над кряжем в голубое небо поднимались белые облака, предвестники хорошей погоды, и Лавранс и его люди говорили, что день выдаться, вероятно, жаркий. Лавранс взял с собой четырех слуг, и все они были хорошо вооружены, так как в это время в горах можно было повстречать недобрых людей; впрочем, с путниками вряд ли могло что случиться — их было много, да и ехали они недалеко. Кристин любила всех этих слуг; трое из них были уже

* Долина Гюббрансдал делится на отдельные отрезки, совпадающие по большей части с церковными приходами и разделенные невысокими холмами. Вогэ, где была расположена усадьба Сюдбю, лежала в боковой долине выше (севернее), чем Силь, где был расположен Йорюндгорд. Ниже (южнее) долина тянулась через множество приходов вплоть до города Хамара.

пожилыми людьми, но четвертый, Арне, сын Гюрда из Финсбреккена, был еще подростком и лучшим другом Кристин; он ехал сразу же за лошадьё Лавранса, так как взялся рассказывать Кристин обо всем, что они увидят в пути.

Они проехали между постройками усадьбы Румюндгорд и обменялись приветствиями со священником, отцом Эйриком. Он стоял на дворе и бранился с дочерью, которая вела его хозяйство, из-за мотка свежерашенной шерсти: дочь вывесила шерсть накануне и забыла снять ее, а теперь дождь совершенно все испортил.

На холме возле усадьбы священника стояла церковь; она была невелика, но красива, содержалась в порядке и недавно была заново осмолена. Лавранс и его люди сняли шапки и склонили головы перед крестом у ворот кладбища; потом отец повернулся в седле и вместе с Кристин помахал Рагнфрид, которую еще можно было разглядеть на лугу перед домом; мать тоже помахала им концом своего белого головного платка.

Кристин почти каждый день играла здесь, на церковном пригорке и на кладбище; но сегодня, когда ей предстояло такое долгое путешествие, все эти знакомые места, родной дом и долина с усадьбами казались ей совершенно новыми и необыкновенными. Кучка строений в Йорюндгорде, во дворе и за оградой, стала как будто меньше и серее. Река изгибалась и блестела, и долина расширялась, пестрея широкими зелеными холмистыми лугами, болотами по низине да усадьбами с пашнями и полянами, карабкавшимися на поросшие лесом склоны у подножия серых скалистых обрывов гор.

Кристин знала, что далеко внизу, где горы как будто сходились вместе и закрывали кругозор, лежит усадьба Лоптсгорд. Там жили Сигюрд и Йон, два